HX39.5
.K29717
1917

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „ТРУДЪ и ВОЛЯ“.

a 00003 012741

К. Каутскій.

КАРЛЪ МАРКСЪ.

Цѣна 20 коп.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:
Москва, М. Дмитровка, Дегтярный пер., д. 10.
Книжный складъ Д. П. ЕФИМОВА.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „ТРУДЪ и ВОЛЯ“.

HX31.5
.K29717
1917

№ 38.

К. Каутскій.

Карлъ Марксъ

KARL
MARKS

Переводъ съ нѣмецкаго.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:
Москва, М. Дмитровка, уг. Дегтярнаго пер., д. 10, книжный складъ Д. П. Ефимова.

МОСКВА.
Типог. т-ва «Ломоносовъ» 1-я Тверская-Ямская, домъ Стилкинда № 22.
1917 г.

Карлъ Марксъ родился 5-го мая 1818 г. въ Рейнской провинціи въ Трирѣ. Уже одно его рожденіе въ такомъ мѣстѣ было какъ бы оппозиціоннымъ поступкомъ. Въ 1801 году Рейнская провинція была завоевана Франціей и превращена во французскую провинцію. Она пользовалась французскимъ законодательствомъ. Революціонныя традиціи, если онѣ даже и были нарушены Наполеономъ, все же были не совсѣмъ искоренены, и когда Рейнская область въ 1815 г. перешла къ Пруссіи,—этому государству «западныхъ калмыковъ», какъ называлъ ее Фрейлигратъ,—она почувствовала большую разницу между французскимъ и восточно-прусскимъ правленіемъ. Все это способствовало тому, что Рейнская провинція дѣлалась все болѣе и болѣе враждебно настроенной противъ прусскаго государственнаго строя. Кромѣ того Рейнская область была къ тому же родиной крупнѣйшей буржуазіи и очень развитой промышленности, находившейся въ сношеніяхъ съ одной стороны съ Франціей, съ другой—съ Англіей. Нигдѣ нельзя было усвоить болѣе оппозиціональнаго образа мыслей, чѣмъ въ Рейнской области, и она дѣйствительно выдвинула рядъ оппозиціонныхъ дѣятелей.

Въ 1835 году Марксъ поступилъ въ Боннскій университетъ, а въ 1836 году онъ былъ въ Берлинѣ. Буржуазія въ то время была какъ-разъ настроена оппозиціонно. Она окончательно оправилась послѣ пораженія французской революціи, и съ 1830 года началось также и въ Германіи революціонное броженіе и дѣлались уже попытки уничтожить отжившія крѣпостныя и самодержавныя формы. Это обнаружилось прежде всего въ самой безопасной области—въ философіи: пытались прежде всего освободить гегельянскую философію *) отъ консервативныхъ цѣпей, которыми она была скована, придать ей революціонный характеръ и отнять у нея характеръ защиты христіанства. Вождемъ этого движенія былъ Фрейербахъ; оно захватило также и Маркса. Онъ попалъ въ Берлинѣ въ кругъ молодыхъ людей, которые не признавали никакихъ законовъ,—Бруно Бауэра, Макса Штирнера,—и этотъ кружокъ имѣлъ на него большое вліяніе. Теперь обнаружилось, какими стремленіями и желаніями жилъ Марксъ. Когда читаешь его письма, которыя онъ около этого времени писалъ отцу, то поражаешься, до какой степени ничто не удовлетворяетъ его, какъ повсюду хотѣлъ онъ установить новыя научныя открытія, какъ онъ шелъ все дальше и дальше. Въ его научныхъ занятіяхъ матеріальный интересъ все болѣе и болѣе отходилъ на задній планъ. Уже тогда онъ все болѣе становился револю-

*) Гегель, Георгъ - Вильгельмъ - Фридрихъ, — нѣмецкій философъ (1770—1831 г.). Его ученики,—такъ-называемая гегельянская школа,—раздѣлились на три партіи: правую, лѣвую и крайнюю лѣвую (Фейербахъ, Бруно Бауэръ и др.). Причиной раздѣленія послужило различіе въ политическихъ взглядахъ. Къ крайней лѣвой, отрицавшей божество, примкнули Карлъ Марксъ и соціалъ-демократія.

ціоннымъ борцомъ. Съ трудомъ добился отецъ, чтобы онъ въ 1841 году выдержалъ докторскій экзаменъ и сдѣлалъ попытку занять кафедру приватъ-доцента въ Боннскомъ университетѣ. Но своевременно Марксъ понялъ, какую жалкую роль играетъ нѣмецкій профессоръ, чтобы борецъ подобный ему могъ успѣшно работать въ нѣмецкомъ университетѣ. Въ этомъ онъ еще болѣе убѣдился на судьбѣ Бруно Бауэра, который занялъ тогда каѳедру профессора въ Боннскомъ университетѣ и у котораго произошло разногласіе съ богословскимъ факультетомъ, вслѣдствіе чего правительствомъ были приняты противъ него мѣры.

Марксъ убѣдился тогда, что есть занятіе, въ которомъ онъ, какъ революціонный борецъ, можетъ дѣйствовать гораздо успѣшнѣе, чѣмъ въ званіи профессора университета; это была дѣятельность журналиста. Именно въ то время, когда онъ хотѣлъ сдѣлаться профессоромъ въ Рейнской провинціи, была основана газета, въ которой работали лучшіе изъ представителей партіи, стремившейся къ народовластію въ Германіи. Въ газетѣ этой также принимали участіе и сторонники соціализма, такъ какъ въ то время еще не было разногласія между сторонниками народовластія изъ зажиточныхъ круговъ и соціалистами. Это была «Рейнская Газета». Марксъ вступилъ въ нее сначала какъ сотрудникъ, а затѣмъ какъ редакторъ, и двадцати-четырехлѣтній юноша обнаружилъ такія дарованія, что онъ сейчасъ же занялъ руководящую роль въ редакціи. Но тогда онъ убѣдился, что его знаній для изданія современной газеты недостаточно.

Онъ сразу понялъ, что недостаточно съ остроумными мыслями и воодушевленіемъ распространяться обо всѣхъ вопросахъ, но что необходимо имѣть экономи-

ческое и историческое образованіе. Это особенно сказалось въ пререканіяхъ съ «Аугсбургской Общей Газетой» по вопросу о государственномъ управленіи и затѣмъ въ критикѣ рѣшенія, которое вынесъ рейнскій ландтагъ по поводу лѣсного вопроса. Тогда еще сохранился послѣдній пережитокъ общиннаго землевладѣнія,—въ видѣ разрѣшенія подбирать хворостъ въ лѣсу. Это право отнималось у крестьянъ: подбираніе хвороста считали воровствомъ и наказывали за него.

Сотни тысячъ дѣлъ, возникшихъ по этому вопросу, подали поводъ къ оживленнѣйшимъ спорамъ въ провинціальномъ ладтагѣ. Тогда выступилъ Марксъ, какъ редакторъ «Рейнской Газеты», и сталъ на сторону крестьянъ, бѣдняковъ и притѣсняемыхъ. Онъ душою чувствовалъ, что его мѣсто на сторонѣ угнетаемыхъ. И Марксъ самымъ жестокимъ образомъ заклеймилъ попытку лишить рабочихъ, крестьянъ и мелкихъ собственниковъ даже и этого послѣдняго остатка права на землю. Но и этотъ споръ подтвердилъ ему, что знаній его недостаточно. Тѣмъ не менѣе онъ видѣлъ, что редакторская дѣятельность не дастъ ему возможности расширять свои знанія; поэтому онъ съ удовольствіемъ воспользовался для своего ухода ссорой съ издателемъ. Марксъ составлялъ газету такъ свободно, что правительство забило тревогу и угрожало закрыть газету, если она не сдѣлается болѣе умѣренной. Нѣмецкіе либералы уже и тогда были почти такими же податливыми, каковы они и нынѣ; они думали, что если они побѣждены, то съ ними могутъ дѣлать все, что угодно.

Марксъ отказался писать свои статьи и вышелъ изъ состава редакціи. Жалкая попытка редактора подчиниться требованіямъ ни къ чему не привела; нѣсколько мѣсяцевъ спустя газета была закрыта. Марксъ, сдѣлав-

шись свободнымъ, отправился въ Парижъ—въ это гнѣздо революціи.

Онъ взялъ съ собой свою молодую жену, Женни фонъ-Вестфаленъ, съ которой былъ обрученъ еще 18-лѣтнимъ юношей и съ которой въ 1849 году вступилъ въ бракъ. «Рейнская Газета» была основана въ 1842 году, а весной 43-го года Марксъ вышелъ изъ нея. Онъ отправился въ Парижъ, чтобы изучить буржуазную политическую экономію и проповѣдниковъ соціализма. Тамъ онъ вступилъ въ личное сношеніе съ извѣстнѣйшими вождями французскаго соціализма, прежде всего съ самымъ виднымъ изъ нихъ, Прудономъ, а кромѣ того съ выдающимися нѣмцами, жившими тогда въ Парижѣ, и знакомство съ двумя изъ нихъ, Генрихомъ Гейне и, главное, съ Фридрихомъ Энгельсомъ, было для него особенно важно. Очень часто на Генриха Гейне смотрятъ какъ на лирика, какъ на поэта-художника, въ мастерской формѣ передающаго настроенія, какъ на юмористическаго фельетониста и сатирика съ рѣзкимй причудами; но Генрихъ Гейне былъ великій мыслитель и ученый *).

Каждый, кто входилъ съ нимъ въ тѣсныя сношенія, отзывался съ большимъ почтеніемъ объ его взглядахъ, объ его знаніяхъ, и лишь легкая форма, въ которой онъ излагалъ свои мысли могла заставить думать, что за ней скрывается пустая игра словъ. Марксъ съ большимъ уваженіемъ относился къ Гейне и утверждалъ, что самъ многому у него научился. Еще болѣе значительнымъ было для него знакомство съ Фр. Энгельсомъ. Онъ познакомился еще въ редакціи «Рейнской Газеты», но не

*) Генрихъ Гейне—знаменитый поэтъ (1797—1856 г.). За политическія убѣжденія былъ высланъ изъ Германіи въ 1830 г. и умеръ въ Парижѣ. Въ ряду борцовъ за освобожденіе человѣчества онъ занимаетъ видное мѣсто.

сошелся съ нимъ ближе. Впервые въ Парижѣ вступилъ онъ съ нимъ въ тѣсныя сношенія, и здѣсь обнаружилось, какъ близки были другъ другу эти два человѣка, какъ они разными путями пришли къ одинаковымъ взглядамъ. Отъ Энгельса же получилъ тогда Марксъ рядъ важнѣйшихъ указаній.

Энгельсъ былъ сыномъ Барменскаго фабриканта.

Его родители позаботились дать ему техническое, естественно-научное и коммерческое образованіе,—всѣ же философскія знанія пріобрѣлъ онъ путемъ своихъ собственныхъ занятій. Его отецъ владѣлъ въ Манчестерѣ фабрикой, и такимъ образомъ въ Англіи, гдѣ капитализмъ былъ болѣе развитъ, чѣмъ во Франціи, Энгельсъ познакомился не только съ стремленіями, которыхъ старалось достичь развитіе капитализма, но и съ первой формой великаго движенія пролетаріата: чартистскимъ движеніемъ *), которое въ началѣ 40-хъ годовъ достигло особенной силы. Это движеніе по своему характеру стояло гораздо выше, чѣмъ соціалистическое движеніе во Франціи. Это послѣднее еще не освободилось отъ мелко-буржуазности, потому что страна не была такъ развита экономически. Тамъ было два вида соціализма: бланкизмъ и прудонизмъ **). Бланкизмъ слѣдовалъ традиціямъ великой французской революціи—именно якобинскимъ клубамъ,—и пытался ихъ тактику сдѣлать тактикой пролетаріата. Онъ пытался посредствомъ строгой централистической организаціи, которая тогда должна была быть тайной, завладѣть политической вла-

*) Движеніе рабочихъ въ Англіи въ 1836—1848 гг., имѣвшее цѣлью добиться для рабочихъ политическихъ правъ и улучшенія матеріальнаго положенія.

**) Луи Бланъ (1805—1881 г.)—участникъ почти всѣхъ франц. революцій XIX в.—Прудонъ—франц. публицистъ и философъ (1809—1865 г.). Въ своемъ сочиненіи „Что такое собственность?" высказалъ положеніе, что всякая собственность есть кража.

стью, чтобы потомъ, когда политическая власть будетъ въ рукахъ нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ, ввести соціализмъ. Прудонъ хорошо понималъ, какъ мало тогда эта тактика могла имѣть шансовъ на успѣхъ. Но онъ самъ впалъ въ противоположную крайность: не желая ничего знать о самостоятельномъ выступленіи пролетаріата, онъ мало-по-малу отвергнулъ борьбу пролетаріата противъ государства и пытался освободить пролетаріатъ мирно, путемъ организаціи товарищескихъ предпріятій, которыя въ основѣ своей были мелкобуржуазными.

Совсѣмъ другое представляетъ изъ себя чартистское движеніе въ Англіи. Оно призывало весь пролетаріатъ, стремилось организовать его въ самостоятельную политическую партію и, завладѣвъ политической властью, заставить служить ее интересамъ пролетаріата. Все это было, конечно, безпочвенно: цѣли еще не были соціалистическими, ясно было лишь стремленіе къ всеобщему избирательному праву и къ 10-тичасовому рабочему дню, но это движеніе имѣло уже характеръ современнаго классоваго движенія и стояло выше соціалистическаго движенія во Франціи. Вотъ съ этимъ-то движеніемъ Энгельсъ и познакомилъ Маркса и оно-то оказало на Маркса большое вліяніе. Энгельсъ всегда былъ очень скроменъ; онъ всегда выставлялъ Маркса впередъ, а самъ всегда оставался на заднемъ планѣ. Дѣйствительно Марксъ былъ болѣе великимъ мыслителемъ, онъ былъ болѣе свѣдущъ. Энгельсъ былъ опрометчивъ, торопливъ и поспѣшенъ въ своихъ заключеніяхъ. Марксъ предохранилъ его отъ многихъ оплошностей.—Но Энгельсъ не всегда заимствовалъ у Маркса, даже наоборотъ, Марксъ многому научился у Энгельса. Послѣдній посвятилъ его въ англійскій соціализмъ, оба обогащали другъ друга познаніями, и изъ этого взаимнаго об-

мѣна идей родилось матеріалистическое пониманіе исторіи, которое въ своихъ основныхъ чертахъ было выработано уже въ 1845 году. Но въ это время они были уже не въ Парижѣ—это совершилось въ Брюсселѣ.

Марксъ былъ не только ученымъ, занимающимся наукой для науки, онъ былъ борецъ и не могъ удовлетвориться только изученіемъ, не могъ не быть дѣятельнымъ, какъ это подобаетъ борцу. И потому онъ пытался дѣйствовать практически, пытался пропагандировать въ Парижѣ свои идеи. Онъ съ этой цѣлью основалъ тамъ съ Арнольдомъ Руге газету «Нѣмецко-Французскій Ежегодникъ», которая появилась лишь въ одномъ номерѣ.

Предпріятіе потерпѣло неудачу и газета не могла болѣе выходить. На ряду съ этой газетой Марксъ работалъ въ рабочемъ союзѣ и писалъ во «Впередъ», въ газетѣ, появившейся тогда въ Парижѣ.—Первоначально это была мѣстная газета, подобная всѣмъ нѣмецкимъ газетамъ, но нѣмецкое правительство подозрительно смотрѣло на все, что приходило изъ Парижа, и невинная газета была запрещена. Издатель ея, Бернштейнъ, безхарактерный человѣкъ, разозлившись, передалъ газету въ распоряженіе эмигрантовъ. Послѣдніе охотно воспользовались случаемъ. Иногда, и не очень много, писалъ для этой газеты Марксъ; вполнѣ достовѣрно только, что онъ помѣстилъ тамъ одну статью, но возможно, что ему принадлежали и нѣкоторыя другія.

Чѣмъ радикальнѣе становилась газета, тѣмъ болѣе неистовствовало прусское правительство и изыскивало средства закрыть ее, но по дѣйствовавшимъ во Франціи законамъ газета не могла быть закрыта. Тогда прусское правительство прибѣгло къ другому способу дѣйствій: оно пыталось принудить французское правитель-

ство выслать непріятныхъ ему людей и между ними прежде всего Карла Маркса. Французское либеральное правительство, министерство Гизо, оказало эту услугу и въ 1844 г. выслало К. Маркса и другихъ. Вслѣдствіе этого Марксъ отправился въ Брюссель и тамъ снова встрѣтился съ Энгельсомъ.

Они пытались развить пріобрѣтенную ими научную точку зрѣнія матеріалистическаго пониманія исторіи, подвергнувъ критикѣ точку зрѣнія своихъ прежнихъ друзей, съ которыми они теперь порвали. Прежде всего это обнаружилось въ сочиненіи «Святое Семейство», въ которомъ были особенно жестоко осмѣяны братья Бауэръ. Затѣмъ они написали большой трудъ объ «истинномъ соціализмѣ», подобномъ нашему современному «этическо-эстетическому» соціализму, который они тоже жестоко осмѣяли. Но книгу эту въ то время не удалось напечатать, позже же сдѣлать это не имѣло смысла, такъ какъ «истинный соціализмъ» потерялъ всякое значеніе и исчезъ съ горизонта. Но, наконецъ,—и это было самое важное,—Марксъ напечаталъ въ 1847 г. произведеніе противъ Прудона «Нищета философіи». Въ немъ онъ критикуетъ вождя и важнѣйшаго представителя французскаго соціализма. Онъ показалъ, какъ мелко-буржуазенъ былъ французскій соціализмъ, какъ онъ способенъ только на то, чтобы примирить рабочихъ съ существующимъ обществомъ, какъ онъ хочетъ устранить только дурныя стороны современнаго общества. Онъ показалъ, что дурныя стороны капиталистическаго общества неразрывны съ хорошими, что дурныя стороны можно устранить только путемъ уничтоженія всего буржуазнаго общества. Но онъ показалъ также, что въ противовѣсъ миролюбивому соціализму Прудона только организованная борьба пролетаріата можетъ

освободить его, что однѣ мирныя организаціи въ товарищескіе союзы недостаточны и что только борьбой профессіональныхъ и политическихъ организацій вмѣстѣ пролетаріатъ можетъ достигнуть своего освобожденія.

На ряду съ этими теоретическими работами Марксъ и Энгельсъ непрерывно были заняты практически.

Въ Брюсселѣ они основали рабочій союзъ. Тамъ Марксъ прочелъ свое замѣчательное произведеніе «Наемный трудъ и капиталъ», въ которомъ онъ изложилъ мысли, развитыя имъ потомъ въ «Капиталѣ. Это произведеніе было издано небольшой брошюрой, и кто не можетъ читать «Капиталъ», долженъ по крайней мѣрѣ прочесть эту брошюру: онъ найдетъ въ ней изложеніе главнѣйшихъ пунктовъ, имѣющихъ важное значеніе для пролетаріата.

Они взяли въ свои руки «Брюссельскую Газету» и пытались черезъ нее дѣйствовать на брюссельскихъ, а также и нѣмецкихъ рабочихъ, отправляя газету контрабандой въ Германію. Но самое важное въ ихъ практической дѣятельности было соединеніе съ союзомъ коммунистовъ въ Англіи.

Первоначально союзъ назывался «Союзомъ справедливыхъ» и примыкалъ къ бланкизму. Когда въ 1839 году бланкизмъ сдѣлалъ попытку поднять возстаніе и былъ разбитъ, тогда союзъ долженъ былъ перенести свой центръ въ Англію. Тамъ «союзъ» вступилъ въ близкія сношенія съ чартизмомъ, и потому образъ мыслей и теоретическое пониманіе вождей союза приняло совсѣмъ другой характеръ. Они приноровились къ чартистскому образу мыслей, научились понимать классовую борьбу и такимъ образомъ пришли къ Марк-

 су и Энгельсу, которые развивали въ своихъ произве-

деніяхъ подобные же взгляды. Они предложили Марксу и Энгельсу вступить въ союзъ и заявили, что посредствомъ ихъ вліянія союзъ могъ бы стать послѣдователемъ Маркса—Энгельса. Конгрессъ 1847 въ Лондонѣ установилъ у послѣднихъ болѣе близкую связь съ союзомъ, а въ ноябрѣ 1847 года имѣлъ мѣсто другой конгрессъ, гдѣ эта связь сдѣлалась болѣе продолжительной. Союзъ назывался теперь «союзомъ коммунистовъ», онъ создалъ себѣ новую организацію, онъ сдѣлался пропагандистскимъ и пересталъ быть заговорческимъ союзомъ. Марксу и Энгельсу было предложено составить манифестъ, съ изложеніемъ основныхъ взглядовъ, которые легли бы въ основу союза.—Манифестъ появился въ январѣ 1848 г.—Это былъ всѣмъ извѣстный «Коммунистическій манифестъ». Я могу предположить, что онъ всѣмъ извѣстенъ, и мнѣ незачѣмъ о немъ болѣе распространяться. Въ этомъ произведеніи соединились всѣ оттѣнки, данные рабочему движенію предшественниками Маркса. До Коммунистическаго манифеста эти оттѣнки были разъединены и даже какъ бы мѣшали и препятствовали другъ другу: съ одной стороны несбыточный соціализмъ, съ другой—рабочее движеніе. До сихъ поръ рабочее движеніе было связано съ благотворительностью, которая никогда не имѣла дѣлъ непосредственно съ рабочими: сторонники благотворительности надѣялись найти добродѣтельныхъ князей и благоразумныя правительства, при помощи которыхъ можно было бы создать такой общественный строй, который могъ бы освободить пролетаріатъ. Эти мечтатели ничего не хотѣли знать о рабочемъ движеніи, ибо они боялись, что это движеніе испугаетъ князей и буржуазію и отобьетъ у нихъ охоту къ реформамъ. Съ другой стороны, сами рабочіе питали большое недовѣ-

ріе къ сторонникамъ благотворительности. Они не вѣрили имъ, не вѣрили ихъ благимъ пожеланіямъ, если же они и вѣрили этимъ благимъ пожеланіямъ, то не вѣрили въ силу, посредствомъ которой они хотѣли осуществить свои стремленія.—Само же рабочее движеніе не имѣло передъ собой ясной цѣли, къ которой могло бы стремиться, оно шло ощупью, имѣя въ виду лишь непосредственные интересы, и было не въ силахъ объединить вокругъ себя массы.

Существовало разногласіе между политическимъ и экономическимъ движеніемъ въ формѣ противоположности бланкизма съ прудонизмомъ.

Эту односторонность нужно было преодолѣть. Не односторонняя политическая борьба и не однѣ только профессіональныя организаціи могутъ освободить пролетаріатъ. Лишь соединившись, эти двѣ формы борьбы имѣютъ силу для окончательнаго освобожденія пролетаріата. Коммунистическій манифестъ объединилъ эти формы въ одно цѣлое. Онъ соціалистиченъ, но не буржуазно-благотворительный. Онъ даетъ рабочему движенію болѣе отдаленную цѣль, чѣмъ рабочее законодательство и всеобщее избирательное право, онъ не только объединяетъ соціализмъ съ рабочимъ движеніемъ, но объединяетъ также политическую и экономическую борьбу и этимъ сообщаетъ рабочему движенію ту силу, которая позволяетъ ей теперь побѣдоносно итти впередъ. Тогда Коммунистическій манифестъ былъ понятъ, конечно, немногими и оставался лишь листомъ бумаги, не имѣвшимъ никакого вліянія на ходъ вещей.

Но революція, которую предсказывалъ Коммунистическій манифестъ, наступила дѣйствительно быстро: всего черезъ нѣсколько дней послѣ его появленія; это
 была февральская революція въ Парижѣ. Сейчасъ же,

вслѣдъ за ней, Марксъ и Энгельсъ отправились въ Парижъ, и брюссельская полиція, грозя выселеніемъ, еще болѣе помогла этому. Вскорѣ затѣмъ разразилась революція въ Германіи, вслѣдствіе чего Марксъ, Энгельсъ и остальные члены коммунистическаго союза отправились въ Германію. Но пролетаріатъ самъ былъ еще слишкомъ слабъ для того, чтобы организовать собственную партію, онъ могъ выступить лишь какъ лѣвое крыло демократіи. Въ Рейнской области демократія пыталась тогда основать свою газету, «Новую Рейнскую Газету».—Тотчасъ же Марксъ и Энгельсъ завладѣли газетой, которая какъ-будто была газетой демократіи, на самомъ же дѣлѣ проводились основные взгляды Коммунистическаго манифеста. Если намъ задаютъ теперь вопросъ: «Какъ должны быть издаваемы принципіальныя ежедневныя газеты?»—тогда мы указываемъ этимъ людямъ на «Новую Рейнскую Газету», которая въ блестящей формѣ, съ глубокимъ знаніемъ всѣхъ потребностей современной журналистики, показываетъ, какъ можно вести основательную революціонную газету.

Газета набрасывалась на демократію, гдѣ она была реакціонна, поддерживала ее, гдѣ она была революціонна. Тамъ, гдѣ демократія молчала, гдѣ она измѣняла своимъ задачамъ, — газета была безжалостна въ своей критикѣ, и потому она сдѣлалась ненавистной газетой не только для реакціи, но также и для буржуазной демократіи.

Вскорѣ послѣ того, какъ она была основана, вступивъ въ жизнь 1-го іюня 1848 года, послѣдовала великая катастрофа: іюньская битва въ Парижѣ.

Буржуазія въ Парижѣ лучше поняла, какая пропасть лежитъ между ней и пролетаріатомъ. Въ то время, какъ

пролетаріатъ еще расчитывалъ на буржуазію, республиканское буржуазное правительство стремилось увеличить военныя силы, чтобы быть въ состояніи уничтожить всякое возмущеніе. И когда военныхъ силъ было для этого достаточно, пролетаріату было предложено покориться или вступить въ борьбу.—Лучшія революціонныя силы правительство хотѣло отправить въ провинціи, и потому пролетаріатъ принужденъ былъ взяться за оружіе. Такимъ образомъ, провоцируя пролетаріатъ, буржуазія принудила его къ іюньской схваткѣ, гдѣ великими усиліями войска пролетаріатъ былъ разбитъ и гдѣ имѣла мѣсто величайшая жестокость.

Но эта битва сдѣлала очевидной пропасть между пролетаріатомъ и буржуазіей, о которой говорилъ Коммунистическій манифестъ, сдѣлала очевиднымъ его утвержденіе, что эта пропасть непреодолима, что между обоими классами не можетъ быть никакого примиренія, ничего, кромѣ непрерывной борьбы. Теперь повсюду крупная буржуазія перешла на сторону реакціи,—на мелкую буржуазію нельзя было положиться, такъ какъ она не могла противостоять реакціи, и такимъ образомъ реакція побѣдила повсюду.

Въ разныхъ мѣстахъ, какъ, напримѣръ, въ Саксоніи, Баденѣ, Венгріи еще поднимались возстанія, но реакція неудержимо шла впередъ, она не пощадила и «Новую Рейнскую Газету». Въ маѣ 1849 года она была закрыта. Возстаніе въ Кёльнѣ, внутри крѣпости, было невозможно. Энгельсъ боролся въ Баденѣ, гдѣ возстаніе было подавлено. Марксъ отправился въ Парижъ, чтобы поднять пролетаріатъ, но судьба революціи была рѣшена: пруссаки побѣдили въ Баденѣ, и революціонеры перешагнули Швейцарскую область. Франція не поднималась,

и Марксу предстояло рѣшить, или быть высланнымъ въ Нормандію, или оставить Парижъ.

Онъ отправился въ Англію, которую съ 1850 г. избралъ мѣстомъ своего пребыванія и гдѣ оставался до самой смерти. Энгельсъ покинулъ Швейцарію, а за нимъ и другіе члены коммунистическаго союза. Конечно, настоящій борецъ не тотчасъ же разряжаетъ ружье: еще думали, что революція вспыхнетъ снова, и готовились къ ней, но Марксъ и Энгельсъ были слишкомъ дѣятельныя натуры, чтобы до того момента безплодно терять время, и въ январѣ 1850 года они возобновили «Новую Рейнскую Газету, которой до ноября вышло шесть номеровъ; въ ней они подвергли критикѣ происшедшую борьбу. Тамъ далъ Энгельсъ критическій разборъ баденскихъ отношеній, а Марксъ написалъ статью о парижской революціи, которую Энгельсъ впослѣдствіи издалъ подъ названіемъ «Классовая борьба во Франціи». Позднѣе Марксъ обработалъ и увеличилъ эту статью и выпустилъ ее подъ заглавіемъ «18-е Брюмера». Но жизнь и этой газеты была коротка: въ ноябрѣ она погибла отъ отсутствія подписчиковъ.

Въ этомъ выразилось бойкотированіе буржуазной демократіей Карла Маркса за безжалостную жестокость «Новой Рейнской Газеты» по отношенію къ демократіи.

Но передъ самымъ концомъ газеты уже обнаружилось разногласіе внутри коммунистическаго союза, приведшее къ гибели союза.

Марксъ и Энгельсъ пришли къ убѣжденію, что новой вспышки революціи скоро ожидать нельзя. Чѣмъ болѣе улучшались тогда экономическія отношенія, тѣмъ болѣе приходили они къ убѣжденію, что нужно приготовиться на долгое время работать при мирныхъ условіяхъ. Объ этомъ ничего не хотѣло знать большин-

ство членовъ коммунистическаго союза. Они не могли примириться, что всѣ жертвы принесены были напрасно, они не могли видѣть, какъ свирѣпствовала реакція въ Германіи. Такимъ образомъ получилось разногласіе Маркса и Энгельса съ рядомъ энергичнѣйшихъ членовъ, и тогда же откололась фракція Виллиха-Шапера. Въ самой Англіи бланкистская фракція, фракція Виллиха-Шаппера, была въ большинствѣ и основала тамъ Центральный Комитетъ. Въ Германіи же, наоборотъ, господствующимъ было направленіе Маркса—Энгельса, и потому они перенесли центральный комитетъ въ Кёльнъ, гдѣ имѣли большинство. Но скоро въ Германіи коммунистическій союзъ былъ открытъ. Одинъ изъ членовъ центральнаго комитета, Нотюнгъ, былъ задержанъ. Найдены были бумаги, которыя наводили на слѣдъ остальныхъ, и такимъ образомъ Центральный Комитетъ былъ задержанъ и начатъ процессъ. Но было невозможно обвинить ихъ по существующимъ законамъ. Союзъ былъ тайнымъ обществомъ, но по законамъ Наполеона тайныя общества не наказывались; нужно было, такимъ образомъ, создать новыя улики; и въ созданіи этихъ уликъ показалъ себя особенно дѣятельнымъ г-нъ Штиберъ, который доставилъ мастерское произведеніе полицейской болтовни. Что совершилъ Штиберъ, было поистинѣ невѣроятно.

Либкнехтъ позже, въ свое время, въ одномъ собраніи въ 1841 году назвалъ его подлецомъ. Штиберъ еще тогда былъ живъ, но однако не осмѣлился привлечь его къ суду, ибо онъ хорошо зналъ, какія улики можно было выставить противъ него. Не было такой клеветы, такого обмана, въ которомъ бы не былъ виноватъ этотъ негодяй. Я хочу привести примѣръ, который покажетъ

не только то, какіе негодяи были въ полиціи, но также

и то, какія достойныя сожалѣнія глупыя головы встрѣчались между ними. Это былъ будто бы настоящій протоколъ о засѣданіяхъ Центральнаго Комитета Союза въ Лондонѣ, содержавшій кровавыя рѣчи, подписанный Либкнехтомъ.

Штиберъ каялся, что этотъ протоколъ былъ проданъ ему за значительную сумму Либкнехтомъ. Протоколъ былъ дѣйствительно подписанъ Либкнехтомъ, но Г. Либкнехтъ могъ быть Гуго, Генрихомъ или Германомъ Либкнехтомъ, но ужъ ни въ какомъ случаѣ не Вильгельмомъ Либкнехтомъ.

Эти низкіе люди, совершившіе этотъ подлогъ, не дали себѣ труда узнать имя человѣка, подпись котораго они поддѣлали. Марксъ велъ ожесточенную борьбу противъ Штибера. Каждая клевета Штибера сообщалась по телеграфу Марксу, и онъ посылалъ защитѣ письма, въ которыхъ разрушалъ клевету и обнаруживалъ ея фальшивость. Это была не бездѣлица, ибо Штиберы были распространены и на почтѣ; письма похищались прямо съ почты, такимъ образомъ, только обходомъ Маркъ могъ вступить въ сношеніе съ защитой; несмотря на то, что вся система была разрушена и всѣ ждали оправданія, составъ присяжныхъ былъ такъ подобранъ, нашлись такіе жалкіе субъекты, которые присудили обвиняемыхъ. Маркъ написалъ по этому поводу брошюру, и я совѣтую всякому, кто имѣетъ дѣло съ полиціей, обратить вниманіе на эту брошюру. Это памятникъ позору политической полиціи.

Осужденные тогда уже давно всѣ умерли, но одинъ изъ нихъ, товарищъ Лесснеръ, приговоренный къ тремъ годамъ крѣпости, еще живъ. Свѣжій и здоровый, онъ живетъ въ Лондонѣ, бодрый и мужественный, какъ прежде, всегда радуясь каждой побѣдѣ, которую одер-

живаютъ молодые, и всегда готовый воодушевить ихъ къ новой борьбѣ.

Пораженіе, разгромъ, уничтоженіе заклеймили законъ революціи. Десять лѣтъ было затишье въ рабочемъ движеніи. Экономическое развитіе быстро шло впередъ; капитализмъ развивался, но пролетаріатъ не подавалъ голоса. Марксъ и Энгельсъ должны были позаботиться о добываніи средствъ къ жизни. Небольшія средства Маркса и его жены давно уже изсякли въ періодъ революціонной борьбы. Они находились въ большой бѣдности.

Энгельсъ имѣлъ богатаго отца, но послѣдній ничего не давалъ сыну, пока тотъ участвовалъ въ революціонной пропагандѣ. Тогда Энгельсъ рѣшилъ поступить на фабрику своего отца, и это было выгодно не только для него, но и для Маркса. И если Марксъ могъ посвятить себя научной революціонной дѣятельности, то этимъ онъ обязанъ главнымъ образомъ своему другу Фридриху Энгельсу. До этого же времени Энгельсъ самъ ничего не имѣлъ. Марксъ писалъ корреспонденціи и научныя работы для нѣмецкихъ газетъ, но буржуазная демократія бойкотировала Маркса. Еще недавно буржуазная пресса проливала крокодиловы слезы о нетерпимости соціалъ-демократіи, потому что берлинскіе рабочіе въ редакціи своей газеты хотѣли распредѣлять отвѣтственныя должности по своему усмотрѣнію. Марксъ, напротивъ, былъ объ этой нетерпимости другого мнѣнія. Несмотря на то, что тогда не существовало соціалъ-демократической партіи, несмотря на то, что Марксъ лишь номинально принадлежалъ къ партіи, несмотря на то, что въ демократическихъ газетахъ онъ хотѣлъ помѣщать только научные труды,— несмотря на все это, его статьи не принимались, и если

бы это зависѣло отъ нѣмецкой демократіи, то онъ умеръ бы съ голоду.

Средства къ существованію давала ему тогда «Нью-Іоркская Трибуна». Издатель ея обратился къ Фрейлиграту съ просьбой работать для газеты. Фрейлигратъ отклонилъ эту просьбу, но рекомендовалъ ему Маркса. И Марксъ до 1861 г. помѣстилъ въ «Нью-Іоркской Трибунѣ» рядъ важнѣйшихъ корреспонденцій. Часть изъ нихъ появилась подъ заглавіемъ: «Революція и контръ-революція въ Германіи», часть вышла на англійскомъ языкѣ; но цѣлый рядъ другихъ важныхъ вещей о французскомъ государствѣ еще остался неизданнымъ. Другія, по экономическимъ вопросамъ, онъ обработалъ впослѣдствіи въ своемъ великомъ трудѣ «Капиталъ». Эта книга была великимъ дѣломъ его жизни. Онъ изучалъ въ Британскомъ музеѣ политико-экономическую литературу,—изучалъ такъ, какъ никто до него, и плодомъ этого изученія былъ «Капиталъ», который въ 1867 году увидѣлъ свѣтъ. Такъ же мало, какъ о Коммунистическомъ манифестѣ, могу я здѣсь распространяться и о «Капиталѣ».

Да въ этомъ и не чувствуется необходимости, ибо, какъ уже сказано, основныя черты этой работы можете вы прочесть въ брошюрѣ «Наемный трудъ и капиталъ».—Одно лишь хочу я здѣсь замѣтить. Въ этой книгѣ, въ которой Марксъ изложилъ весь ходъ капиталистическаго производства и обмѣна, въ такой формѣ, которая была такъ нова, что вначалѣ была совершенно не понята, въ этой книгѣ онъ далъ намъ научное оружіе, которое до сихъ поръ никогда, нигдѣ и ни въ какомъ случаѣ не измѣнялось. Если о Коммунистическомъ манифестѣ еще можно сказать, что онъ въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ устарѣлъ, то это совершенно не относится къ «Капиталу».

«Капиталъ» теперь еще такъ же свѣжъ, какъ и тогда, и можетъ быть еще жизненнѣе, ибо обстоятельства развивались именно такъ, какъ предсказывалъ Марксъ, и все развитіе подтверждаетъ этотъ взглядъ. Сначала «Капиталъ» былъ встрѣченъ буржуазной наукой мертвымъ молчаніемъ, ибо онъ былъ болѣе чѣмъ непріятенъ буржуазнымъ ученымъ. Но и пролетаріату онъ былъ недоступенъ, такъ какъ это была весьма трудная книга. Только немногіе поняли ее. Знакомство съ этой книгой широкихъ партійныхъ слоевъ распространялось очень медленно. Даже развитые рабочіе съ трудомъ могли усвоить ее. Я припоминаю еще, что разсказывалъ мнѣ Марксъ, въ какой ужасъ онъ пришелъ, когда ему были присланы изъ Лейпцига корректурные листы брошюры Моста, гдѣ популяризировалось его произведеніе. Онъ долженъ былъ много переписать, и все-таки, несмотря на это, оставалось много невѣрнаго; а между тѣмъ Мостъ былъ очень развитой и проницательный рабочій.

Но «Капиталъ» былъ такъ новъ и требовалъ такой философской подготовки, что лишь немногіе рабочіе могли его усвоить. Лишь медленно появились популяризаторы, которые знакомили съ нимъ рабочихъ и дали нашимъ журналистамъ оружіе, которымъ они могли отражать нападки буржуазныхъ журналистовъ. Въ противовѣсъ этому старая тактика болѣе не годилась,—и буржуазныя науки обрушились на «Капиталъ».

Едва ли найдется буржуазный ученый-экономистъ, который въ доказательство своей научной способности не писалъ бы противъ Маркса. Цѣлыя библіотеки написаны о немъ. Безчисленное число разъ онъ былъ уничтожаемъ, и чѣмъ болѣе его уничтожаютъ, тѣмъ болѣе
 онъ живетъ среди насъ. Но къ тому же буржуазная на-

ука была достаточно безчестна для того, чтобы, учась у Маркса, не ссылаться на него. Они брали то, чего нельзя было опровергнуть, и, искажая смыслъ, пускали въ ходъ противъ партіи. Если вообще буржуазная политико-экономическая наука имѣетъ теперь значеніе, то этимъ она должна быть благодарна Марксу, потому что исказила, ограбила и оклеветала Маркса. Это стало задачей современной буржуазной науки противъ Маркса. Начало въ этихъ научныхъ нападеніяхъ на Маркса сдѣлалъ Луи Брентано, который въ настоящее время не только въ буржуазной наукѣ, но и у многихъ ревизіонистовъ, считается очень пріятной особой. Въ 1872 году онъ представилъ Маркса въ самой грубой формѣ, какъ лжеца и фальшиваго человѣка. Онъ избралъ для этой цѣли «Учредительный адресъ» [1]) Интернаціонала.

Это было тогда учрежденіе, которое больше дѣйствовало на пищевареніе буржуазныхъ классовъ, чѣмъ капиталъ. Они боролись съ Интернаціоналомъ самымъ ожесточеннымъ и рѣшительнымъ образомъ. Теперь мы подошли къ величайшему произведенію Маркса—Интернаціоналу—международное сообщество рабочихъ. Я понимаю Интернаціоналъ не въ томъ смыслѣ, что Марксъ создалъ на ряду съ другими своими произведеніями. Онъ возникъ съ естественной необходимостью изъ существующихъ отношеній: это были именно потребности профессіональной борьбы, которая создала Интернаціоналъ. Это было начало 60-хъ годовъ, когда вѣяніе свободы снова пронеслось надъ Европой, когда свободно вздохнулъ либерализмъ, когда пролетаріатъ началъ подниматься. Профессіональныя организаціи въ Англіи стали тогда быстро развиваться, но тогда это движеніе тормазилось штрейкбрехерами, которыхъ ан-

*) См. кн. Іеккъ „Исторія Интернаціонала", стр. 26.

глійскіе капиталисты вывозили изъ-за границы, какъ только Англіи упрожала значительная стачка. Но, однако же, было бы неблагоразумно препятствовать свободному передвиженію, и англійскіе рабочіе имѣли слишкомъ много здраваго смысла желать такого реакціоннаго мѣропріятія. Они очень хорошо понимали, что единственное средство противъ конкуренціи иностранныхъ рабочихъ есть не запрещеніе переселенія, а возможность создать изъ штрейкбрехеровъ сочувствующихъ товарищей въ великой борьбѣ въ ихъ собственной странѣ. Для этой цѣли необходимо было создать международную организацію, которая перенесла бы методы и организацію профессіональныхъ союзовъ за границу; это отвѣчало потребностямъ самихъ рабочихъ. Успѣхъ англійскаго профессіональнаго движенія побуждалъ рабочихъ Европы, Франціи, Бельгіи и Франц. Швейцаріи стремиться къ такимъ организаціямъ, и, желая помочь имъ, заграничные рабочіе обращались къ профессіональнымъ союзамъ въ Англію. Самое переселеніе уже способствовало тому, что укрѣпляло связь между англійскими и заграничными рабочими. Многіе переселенцы, бывшіе въ Англіи, усвоили англійскіе нравы и привычки и познакомились съ англійскими рабочими. Теперь, какъ только появилось новое вѣяніе, они возвратились назадъ, на свою родину, и перенесли всѣ эти взгляды въ свою страну. Внѣшнія обстоятельства также способствовали тому, чтобы укрѣпить еще больше эту связь. Однимъ изъ такихъ поводовъ была всемірная выставка 1862 года въ Лондонѣ, на которую были посланы многочисленные делегаты, среди которыхъ находились и рабочіе Франціи; тамъ почувствовали они свою необходимость создать продолжительную связь. Другимъ поводомъ была революція

въ Польшѣ, о которой я здѣсь не могу распространяться, ибо не располагаю для этого временемъ. Однимъ словомъ, тогда они чувствовали, какъ необходимо было организовать борьбу противъ капитала. Еще сильнѣе, чѣмъ теперь, являлось это тогда главной задачей, ибо еще въ 1849 году царизмъ показалъ себя какъ служитель реакціи, разрушившій послѣдніе слѣды революціи въ Венгріи,—а въ то время это были поляки, которые пользовались симпатіями всего пролетаріата. Въ 1862 году вспыхнула польская революція, которая въ 1863 году съ большой жестокостью была подавлена. Напрасно требовалъ пролетаріатъ, чтобы буржуазныя правительства вступились за Польшу. Правительства оставались глухи, и потому повсюду имѣли мѣсто демонстраціи, и прежде всего, конечно, въ Англіи. Въ Германіи и Франціи демонстраціи тогда не разрѣшались. Тогда заграничные рабочіе прибыли въ Англію и приняли участіе въ митингѣ, который выразилъ презрѣніе правительствамъ, допустившимъ это кровопролитіе царизма. Это положило начало международному соединенію рабочихъ, приведшее къ основанію международной Ассоціаціи съ исполнительнымъ органомъ въ Лондонѣ. Марксъ не принималъ пока въ ней участія, но скоро онъ понялъ ея значеніе. Онъ вступилъ въ Ассоціацію и былъ выбранъ въ Центральный Комитетъ.

Именно онъ опредѣлилъ ея задачи, далъ ей цѣль и сосредоточилъ на извѣстной позиціи ея средства. То, чего онъ хотѣлъ достигнуть, было уже изложено въ Коммунистическомъ манифестѣ: соединеніе экономической и политической борьбы. Это было не легко. Тогда еще господствовали въ Англіи только профессіональные союзы, во Франціи прудонизмъ и блан-

кизмъ, въ другихъ же странахъ движеніе было очень слабо.

Марксъ употреблялъ всѣ усилія на то, чтобы эта односторонность была уничтожена, чтобы повсюду внесены были отсутствующіе виды борьбы, чтобы рабочее движеніе было поставлено на современную точку зрѣнія. Именно онъ руководилъ тогда конгрессомъ делегатовъ рабочихъ, онъ велъ корреспонденцію генеральнаго совѣта, его геній подчинилъ себѣ Интернаціоналъ, и всѣмъ этимъ онъ сдѣлалъ то, что фактически весь современный рабочій классъ сталъ на почву Коммунистическаго манифеста. Но чѣмъ больше, такимъ образомъ, достигалъ Интернаціоналъ своей цѣли, тѣмъ болѣе существованіе его становилось излишнимъ и потому онъ долженъ былъ постепенно распасться, ибо я ужъ говорилъ, что исходнымъ пунктомъ Интернаціонала была агитація профессіональныхъ союзовъ. Международность какъ-разъ всего легче можетъ этого достигнуть. Въ профессіональной борьбѣ находятся повсюду одни и тѣ же враги и всегда одна и та же потребность организаціи, и здѣсь необходимо большое однообразіе. Такимъ образомъ, здѣсь имѣетъ мѣсто международная организація, которая могла бы скорѣе всего достигнуть цѣли, не нанося вреда отдѣльнымъ странамъ. Совсѣмъ другое съ политической организаціей. Здѣсь мы находимъ не только единственнаго врага—капиталъ; наши главные враги это—правительство и отдѣльныя буржуазныя партіи. Но различные слои имущихъ классовъ не одинаковы повсюду, средства борьбы въ различныхъ странахъ, конституціи, законы; историческія воспоминанія повсюду различны, и потому въ различныхъ странахъ политическая борьба должна быть различно обставлена, если только партіи, ко-

торыя вмѣшиваются въ борьбу своей страны, достаточно развились. Поэтому чѣмъ болѣе достигалъ Интернаціоналъ своей цѣли, чѣмъ болѣе образовывалось партій, тѣмъ болѣе политическія партіи должны были перестать быть международными и стремиться къ національному единству своей страны, тѣмъ невозможнѣе становилось руководить ими изъ одного центра, тѣмъ болѣе международныя формы становились препятствіемъ, цѣлями, которыя нужно было разбить, если только партія хотѣла свободно развиваться. Итакъ, успѣхъ Интернаціонала заключался въ томъ, чтобы онъ былъ распущенъ. Этотъ роспускъ въ другой формѣ былъ ускоренъ планами Маркса. Тѣмъ, что онъ на ряду съ профессіональной оргнизаціей хотѣлъ поставить политическую, Марксъ разошелся съ англійскими рабочими.

Сначала англійскіе рабочіе относились къ этому плану одобрительно. Они были вовлечены въ борьбу за избирательное право. Въ 1867 году они получили избирательное право, хотя и не всеобщее, но рабочей аристократіи избирательное право было дано, а она ничего не требовала, какъ только того, чтобы всѣ профессіональныя орагнизаціи имѣли избирательное право. Имѣла ли масса его,—это было для нея безразлично.

Теперь бюрократія профессіональныхъ союзовъ начала вмѣшиваться въ политическую борьбу. Она начала выставлять кандидатовъ. Но она имѣла за собой политически неорганизованныя рабочія массы. и она дошла до того, что допускала либераламъ подкупать себя. Одни позволяли подкупать себя прямо деньгами, почетными мѣстами, другіе были честнѣе, но глупѣе: они попадали въ сѣти, думая, что дѣлаютъ для проле-

таріата, когда идутъ рука-объ-руку съ либералами. И тѣмъ неудобнѣе становился для этой бюрократіи марксизмъ въ Интернаціоналѣ, и она начала бунтовать противъ него, отпадая къ прудонистамъ.

Кромѣ того они ничего не хотѣли знать о политической борьбѣ. Не разъ уже отказывались они отъ профессіональной борьбы. Но въ заключеніе они примирились съ нею, говоря, что стачка и союзы допустимы какъ вспомогательное средство, главнымъ же средствомъ борьбы должны быть товарищества. Но изъ-за вопросовъ политической борьбы они пришли въ полное противорѣчіе съ марксизмомъ. Всѣ эти разногласія еще болѣе обострились послѣ пораженія Коммуны въ 1871 г. въ Парижѣ [1]). Не Интернаціоналъ былъ причиной паденія Коммуны. Точно такъ же, какъ и іюньская битва, это было дѣломъ провокаціи властительной буржуазіи. Тьеръ принуждалъ парижскій пролетаріатъ или возстать, или сдаться безъ боя и подпасть подъ ярмо буржуазіи. Но если Интернаціоналъ не былъ причиной паденія Коммуны, то онъ именно вмѣшался самымъ энергичнымъ образомъ, когда она уже вспыхнула. Марксъ давалъ обо всемъ знать заграницу, чтобы завладѣть общественнымъ мнѣніемъ въ пользу Коммуны и чтобы убѣдить международный пролетаріатъ объ его долгѣ хотя бы морально поддержать Коммуну. Онъ составлялъ многочисленные адреса Коммуны, которые должны были защитить ее отъ свирѣпости буржуазной прессы. Но Коммуна была разбита въ кровавую майскую недѣлю, и теперь ненависть

---

*) Коммуна—революціонное правительство, учрежденное въ Парижѣ партіей коммунистовъ. Коммунисты требовали уничтоженія права собственности на землю и орудія производства.

всего буржуазнаго общества обратилась противъ того, что было величайшей побудительной силой противъ Интернаціонала; послѣдовала общая травля и облава. Тогда профессіоналисты въ Англіи сочли за самое выгодное отдѣлиться отъ Маркса и возвратиться къ старой политикѣ. Съ другой стороны, паденіе Коммуны было несчастьемъ, постигшимъ всѣ романскія государства. Французскій пролетаріатъ руководилъ движеніемъ въ Бельгіи, въ Швейцаріи, въ Испаніи и Италіи. Тамъ въ рабочемъ движеніи были совсѣмъ молодые и наивные работники, и когда въ Парижѣ движеніе было разбито, они были не въ силахъ отдать себя передовымъ лучшимъ вождямъ, выступившимъ тогда; одичавшіе мѣщане, они годились лишь на то, чтобы отдаться анархизму, которому училъ тогда Бакунинъ. Этимъ они, во всякомъ случаѣ, возстали противъ коммунизма Маркса и потому они должны были разойтись съ нимъ. Еще Марксу удалось въ 1872 г. созвать конгрессъ въ Гаагѣ, откуда былъ изгнанъ Бакунинъ, но съ этого момента начинается паденіе Интернаціонала. Въ Германіи Интернаціоналъ никогда не могъ твердо стать на ноги. Уже законодательство о союзахъ препятствовало тому, чтобы Интернаціоналъ дѣйствовалъ открыто; онъ могъ имѣть лишь отдѣльныхъ членовъ и существовать тайно, а это препятствовало тому, чтобы Интернаціоналъ сдѣлался массовой организаціей. Однако, все это привело къ тому, что въ Германіи развитіе политической партіи совершилось всего быстрѣе, что именно германская партія убѣдилась въ томъ, что ею не можетъ руководить Англія. И, такимъ образомъ, случилось, что даже и тамъ, гдѣ процвѣтали идеи Маркса, Интернаціоналъ умиралъ. Онъ умиралъ медленно, онъ исчезалъ не сразу. Я самъ еще въ

1880 г. имѣлъ поводъ найти въ Цюрихѣ одну секцію, въ которую вступилъ членомъ. Но годъ спустя она была распущена. На моей памяти она была послѣдней, однако, какъ дѣйствительная сила, Интернаціоналъ пересталъ существовать въ серединѣ 70-хъ годовъ.

Но Интернаціоналъ не былъ разбитъ, онъ не погибъ, но лишь какъ форма, исполнившая свое назначеніе, долженъ былъ уступить мѣсто новой, болѣе могучей, болѣе совершенной формѣ, которая была бы невозможна, если бы Интернаціоналъ не приготовилъ ей мѣсто. Съ кончиной Интернаціонала можно было надѣяться, что Марксъ вновь будетъ заниматься научной дѣятельностью; Интернаціоналъ поглощалъ всѣ его силы и онъ надѣялся теперь, когда Интернаціоналъ пересталъ развивать свою дѣятельность, когда генеральный совѣтъ перемѣстился въ Америку,—онъ надѣялся, что найдетъ теперь время для научной дѣятельности. Но онъ обманулся. Интернаціоналъ продолжалъ жить въ новой формѣ, и если даже генеральный совѣтъ былъ распущенъ, то все же значеніе Маркса не умерло. Наоборотъ, Марксъ продолжалъ быть вождемъ международнаго пролетаріата. Всѣ передовые дѣятели соціалистическихъ партій всего міра искали его совѣта и онъ принужденъ былъ сдѣдить за всѣми партіями и ихъ политическимъ развитіемъ, долженъ былъ переписываться со всѣми выдающимися партійными товарищами, и это былъ трудъ не менѣе значительный того, котораго требовалъ Интернаціоналъ. Это привело къ тому, что его работоспособность быстро истощалась.

Марксъ былъ выдающейся геркулесовской силой Онъ имѣлъ силу, какой обладаютъ немногіе, и только это позволило ему создать то, что онъ создалъ.

Уже въ серединѣ 60-хъ годовъ начались болѣзни печени, желудка, начали проявляться кровавые нарывы, которые дѣлали его на недѣли и мѣсяцы совершенно неработоспособнымъ, и къ 70-мъ годамъ эти страданія дѣлались все значительнѣе. На немъ же внѣшнимъ образомъ это было совершенно незамѣтно. Я имѣлъ случай весной 1881 года познакомиться съ нимъ и былъ пораженъ: такъ онъ былъ силенъ и крѣпокъ. Но Энгельсъ зналъ, что онъ ужъ и тогда жестоко страдалъ, и тогда уже Энгельсъ боялся за своего друга.

Въ ноябрѣ 1881 г. умерла любимая жена Маркса—Женни, съ которой онъ прожилъ около 40 лѣтъ, и это почти доконало его. Энгельсъ, при полученіи этого извѣстія, сказалъ: «Ну теперь Вавръ (такъ называли Маркса среди своихъ) тоже умеръ».

И Марксъ дѣйствительно болѣе не оправился. Онъ получилъ болѣзнь легкихъ. Онъ искалъ исцѣленія въ Алжирѣ, въ Ривьерѣ, во Французской Швейцаріи. Ничего не помогало.—Онъ посѣтилъ островъ Уайтъ, на югѣ Англіи, но и тамъ состояніе его не улучшилось; въ январѣ дошло до него извѣстіе о смерти любимой дочери Женни, скончавшейся отъ родовъ.

Онъ не могъ болѣе оставаться на чужбинѣ. Онъ поспѣшилъ домой, въ Лондонъ, и тамъ совершенно заперся въ своемъ кабинетѣ.

14-го марта 1883 года Маркса нашли мертвымъ за письменнымъ столомъ, за которымъ онъ создалъ такъ много геніальныхъ мыслей, среди книгъ, изъ которыхъ онъ извлекъ такъ много сокровищъ, принесшихъ намъ такъ много пользы. Вѣсть объ его смерти тяжелой скорбью наполнила его друзей и глубокимъ огорченіемъ соціалъ-демократію всего міра. Спрашивали

себя: если умеръ этотъ величайшій мыслитель, не умретъ ли вмѣстѣ съ нимъ и не потеряетъ ли силу все наше движеніе? И наши враги думали именно такъ: они думали, что только могучая фигура Маркса сплачиваетъ насъ. Они злорадствовали и торжествовали.

Не оправдались, какъ вы знаете, ни эти опасенія, ни ожиданія. Наоборотъ, со смертью Маркса наше движеніе еще сильнѣе, чѣмъ прежде, двинулось впередъ, именно потому, что стояло и развивалось на тѣхъ основаніяхъ, которыя создалъ Марксъ. Его тѣло умерло, но его идеи живутъ среди насъ. Онѣ пустили корни и показали, что даютъ намъ возможность лучше понять современное общество, чѣмъ всѣ другія теоріи, и этимъ дали возможность побѣдить современное общество и создать новое, лучшее на его мѣстѣ. Онѣ показали, что если мы будемъ слѣдовать по этому пути, мы быстро и вѣрно пойдемъ навстрѣчу побѣдѣ—и въ этомъ смыслѣ Марксъ живетъ среди насъ, живетъ какъ нашъ знаменосецъ, и, слѣдуя его ученію, мы хотимъ еще больше дѣйствовать въ его духѣ, чтобы привести освобожденіе пролетаріата къ побѣдѣ и тріумфу.